

*Моим родителям, Кевину и Сью
Спасибо вам за все*

Кто сражается с чудовищами, тому
следует остерегаться, чтобы самому
при этом не стать чудовищем. И если
ты долго смотришь в бездну, то без-
дна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Пролог

Я-то думала, что все знаю про чудовищ.

В детстве я считала, что это такие загадочные призраки, которые прячутся в шкафу за вешалками с одеждой, под кроватью, в лесной чаще. Я просто физически ощущала их у себя за спиной — как они подкрадываются все ближе, пока я иду из школы домой в сиянии заходящего солнца. Я не умела описать это чувство словами — просто каким-то образом *знала*, что они здесь. Я чувствовала их всем своим телом, чувствовала опасность — как будто кожу на плече начинает покалывать за мгновение до того, как на него опустится невидимая рука, как будто понимаешь, что неотвязная тревога вызвана парой глаз, буравящих твою спину из укрытия за ветвями разросшегося кустарника.

Но стоит лишь обернуться — и глаза вновь прячутся.

Помню, как мои худые лодыжки все норовили подвернуться на неровностях гравийной дорожки, когда я шагала — быстрее и быстрее — к своему дому, а выхлоп удаляющегося школьного автобуса таял у меня за спиной. Солнечный свет лился сквозь ветви деревьев, в лесу плясали тени, а моя собственная тень казалась огромной, словно изготовившийся к прыжку зверь.

Я начинала глубже дышать, считала про себя до десяти. Потом закрывала глаза, покрепче зажмуривалась.

И пускалась бегом.

Каждый день я неслась сломя голову сквозь этот безлюдный участок подъездной дорожки, а дом, которому следовало уже быть на расстоянии вытянутой руки, казалось, лишь отдалялся. Из-под кроссовок летели камешки, пыль и ключья травы, а я все пыталась опередить... что-то. То, что здесь за мной *наблюдало*. То, что ждало. Ждало меня. Путаясь в собственных шнурках, я карабкалась на крыльцо — и с размаху влетала в тепло распахнутых навстречу рук отца, чувствовала над ухом его горячее дыхание, слышала шепот: «Вот и попалась, вот и попалась!» Его пальцы легонько дергали меня за волосы, а в груди саднило от избытка воздуха. Сердце бешено колотилось изнутри о грудную клетку, и в сознании возникало одно-единственное слово: *безопасность*.

Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Вообще-то, страху положено учиться медленно и постепенно: от Санта-Клауса в торговом центре — к монстру у тебя под кроватью; от ужасика, который тебе позволили посмотреть в детстве, — к мужчине в машине у бордюра, с включенным мотором и тонированными стеклами, всего на одну лишнюю секунду задержавшему на тебе взгляд, когда ты идешь мимо в наступающих сумерках. Боковым зрением ты видишь, как машина медленно трогается, и чувствуешь, как колотится сердце, — чувствуешь не только грудью, но и шейей, и внутренностью черепа. Обучение как процесс, от одной ощущаемой угрозы к другой, и каждая последующая *штука* реально опасней предыдущей.

Со мной было не так. На меня понимание страха обрушилось с такой силой, какую мне, подростку, до сих пор испытывать не доводилось. С такой удушливой тяжестью, что и вздохнуть-то больно. В этот самый миг, когда все рухнуло, я и поняла — чудовища не прячутся в лесу, это не тени среди деревьев и не невидимки, притаившиеся в темных углах.

Настоящие чудовища никогда не скрываются.

Мне было двенадцать, когда тени начали обретать форму, черты лица. Когда призрак сделался плотней. Реальней. Когда я стала понимать, что чудовища, может статься, живут среди нас.

И среди них — монстр, которого я научилась бояться больше всех остальных.

Май 2019 года

Глава 1

Горло першит.

Поначалу — совсем чуть-чуть. Словно по глотке изнутри провели снизу вверх тонким перышком. Я пытаюсь просунуть язык себе в горло, чтобы унять зуд.

Ничего не выходит.

Надеюсь, я не простыла. Не было ли в последнее время поблизости кого-нибудь больного? Заразного? Если честно, кто знает. Я целый день рядом с людьми. На вид все вроде были здоровы, но простуда может оказаться заразной и до появления симптомов.

Еще разок пытаюсь дотянуться языком.

Или аллергия. Пыльцы сейчас в воздухе больше обычного. Вернее, значительно больше. Восемь баллов из десяти по аллергенной шкале. Индикатор в приложении у меня на телефоне — ярко-красный.

Я беру стакан с водой, отпиваю немного. Стараюсь ополоснуть горло, прежде чем проглотить.

Тоже не помогло. Я откашливаюсь.

— Что?

Перевожу взгляд на пациентку, полулежащую передо мной на огромной кожаной кушетке в напряженной, словно деревяшка, позе. Пальцами вцепилась в колени, яркие тонкие порезы на идеально чистой коже ладоней сейчас почти незаметны. На запястье

я вижу браслет — попытку скрыть самый глубокий из шрамов, кривой, багровый. Деревянные бусины и серебряная подвеска в форме крестика. Болтается слово четки.

Я снова смотрю на девочку, чтобы оценить выражение ее лица, глаз. Слез пока нет, для них рановато.

— Прости меня, — я сверяюсь с записями перед собой, — Лэйси. Просто в горле немного запершило. Продолжай, пожалуйста.

— Ничего, — говорит она. — Короче, я тут объясняла... я иногда дико бешусь, понимаете? И даже сама не знаю почему. Просто злость эта внутри все растет и растет, я еще сама ничего не понимаю, но уже охота...

Лэйси опускает глаза вниз, на руки, водит по ним растопыренными ладонями. Кожа предплечий под ее пальцами вся покрыта мельчайшими порезами, похожими на стеклянистые волоски.

— Это чтобы отпустило, — говорит она. — Успокоиться помогает.

Я киваю, стараясь не обращать внимания на зуд в горле. Который усиливается. «Или это пыль, — говорю я себе, — здесь очень пыльно». Кидаю взгляд на подоконник, на шкаф с книгами, на дипломы в рамках на стене — все покрыто тонким серым налетом, чуть поблескивающим в солнечном свете.

Хлоя, сосредоточься.

Снова поворачиваюсь к девочке.

— И отчего это, Лэйси, как ты думаешь?

— Я ж сказала уже! Сама не знаю.

— Ну, если чисто умозрительно.

Она вздыхает, отводит взгляд и старательно смотрит на что-то несуществующее. Избегая встречаться со мной глазами. Теперь уже вот-вот заплачет.

— Ну, короче, наверное, из-за папы. — Отбрасывает со лба прядь светлых волос; ее нижняя губа чуть дрожит. — Что он от нас ушел и все такое.

— Когда папа от вас ушел?

— Два года назад, — отвечает Лэйси. В уголке глаза вдруг возникает словно бы того и ожидавшая слезинка, скатывается по веснушчатой щеке. Она сердито ее смахивает. — Даже не попрощался. Даже ни хера *ничегошеньки* не объяснил! Свалил, и все.

Я киваю, быстро записывая.

— Как ты думаешь, правильно будет сказать, что ты все еще злишься на папу, потому что он вот так вас бросил?

Ее губа снова начинает дрожать.

— А поскольку он не попрощался, у тебя даже не было возможности объяснить ему, *что* ты из-за этого чувствуешь?

Она кивает шкафу в углу, по-прежнему избегая моего взгляда.

— Да. Пожалуй, что правильно.

— А еще ты на кого-нибудь злишься?

— На маму, наверное. Не знаю почему. Я всегда думала, что это он из-за нее ушел.

— Хорошо, — говорю я. — А еще на кого?

Какое-то время Лэйси молчит, ковыряя ногтем складку кожи.

— На себя, — наконец шепчет она, уже не обращая внимания на застилающие глаза слезы. — Что я была слишком плохая, чтобы он захотел остаться.

— Всем нам случается разозлиться, — говорю я. — Теперь, когда у тебя получилось произнести вслух, на что ты злишься, мы можем поработать над тем, чтобы ты лучше справлялась со своим гневом. Справля-

лась с ним так, чтобы себе не вредить. Как тебе такой план?

— Херня все это дурацкая, — бормочет она.

— Что именно?

— Все. И он, и вот это. Что я здесь.

— Лэйси, что дурацкого в том, что ты здесь?

— Потому что мне *пришлось!*

Девочка уже кричит. Я спокойно откидываюсь на спинку кресла и переплетаю пальцы. Пусть выкричится.

— Да, я злюсь, — произносит она. — И что теперь? Папа от меня на хер ушел. Он меня *бросил*. Вы хоть понимаете, что это такое? Знаете, каково это — без отца жить? Когда в школе все на тебя таращатся? И за спиной еще шушукуются!

— Так получилось, что знаю, — отвечаю я. — Знаю, каково это. Приятного тут мало.

Лэйси умолкает, сложенные на коленях руки дрожат, подушечки большого и указательного пальцев терпят крестик на браслете. Вверх-вниз, вверх-вниз.

— От вас тоже отец ушел?

— Вроде того.

— Сколько вам было лет?

— Двенадцать, — отвечаю я.

Она кивает.

— А мне — пятнадцать.

— Пятнадцать было моему брату.

— То есть вы понимаете?

Теперь я киваю и улыбаюсь. Установить доверие — это самое сложное.

— Понимаю, — отвечаю я и снова подаюсь вперед, сокращая между нами дистанцию. Лэйси наконец поворачивается ко мне, впивается в меня полным слез, умоляющим взглядом. — Еще как понимаю...

Глава 2

В нашей профессии все основано на клише. И неспроста.

Дело в том, что они справедливы.

Когда пятнадцатилетняя девочка тянется бритвой к собственной коже, дело, вероятно, в том, что она чувствует себя неполноценной, и физическая боль ей нужна, чтобы унять резь от жгущих ее изнутри эмоций. За восемнадцатилетним парнем, в гневе не способным себя контролировать, наверняка кроется спор об опеке между родителями, чувство покинутости, необходимость самоутвердиться. От двадцатилетней третьекурсницы, которая имеет привычку в пьяном виде лезть в койку к любому, кто готов потратить ради нее пару долларов на водку с тоником, а потом рыдает по утрам, прямо-таки несет низкой самооценкой и потребностью во внимании, за которое дома ей приходилось сражаться; внутренним конфликтом между тем, какова она есть, и тем, чего, по ее мнению, от нее ждут окружающие.

*Отец не любил. Синдром единственного ребенка.
Дитя развода.*

Все это клише, и каждое справедливо. Я имею полное право так говорить, потому что я и сама — клише.

На экране моих «умных» часов мигает хронометраж записи сегодняшней сессии: 1:01:52. Жму «Отправить на смартфон» и наблюдаю, как маленький таймер из серого делается зеленым, пока файл перекачивается на телефон, одновременно синхронизируясь с ноутбуком. *Технология.* Из детства мне помнится, как каждый из докторов брал в руки мою историю болезни и принимался ее листать, пока я сидела на похожих одна

на другую истертых кушетках и разглядывала карточки, битком набитые чужими проблемами. Полные таких же людей, как и я сама. Каким-то образом это помогало чувствовать себя не такой одинокой, почти нормальной. Металлические ящики на четыре отсека символизировали возможность того, что и мне однажды удастся выразить свою боль — описать ее словами, криком, рыданиями, — а потом, когда заведенный на час таймер дотикает обратно до нуля, мы попросту закроем папочку, вернем ее на нужную полку, запрем там на ключ и забудем про ее содержимое до следующего сеанса.

Пять часов. Пора закрываться.

Я смотрю на экран, на чащобу иконок, в которые превратились мои пациенты. Вообще-то, *закрывать* мне невозможно. Они постоянно изыскивали способ меня найти — по имейлу, через соцсети, — во всяком случае, до тех пор, пока я не махнула рукой и не поудаляла отовсюду свои профили, когда мне вконец надоело копаться в панических личных сообщениях от клиентов, которых опять прихватило. Я всегда работаю, всегда наготове, как круглосуточный магазинчик, мигающий во мраке неоновой вывеской «Открыто» в отчаянных попытках выжить.

На экране выскакивает сообщение о загруженной записи. Я кликаю на него, даю файлу название «Лэйси Деклер, сессия 1», потом отрываю взгляд от компьютера и щурюсь на пыльный подоконник — в свете заходящего солнца окружающая меня грязь еще заметней. Снова прокашливаюсь, несколько раз подряд. Наклоняюсь, берусь за деревянную ручку, выдергиваю наружу нижний ящик письменного стола и начинаю копаться в персональной офисной аптечке. Разглядываю